

В этот момент раздался голос Лу Даня:

— В настоящее время чёрная оспа продолжает распространяться, поэтому нам не следует медлить. Прошу временно взять под стражу тринадцатого помощника полководца, как только она успокоится, мы вновь вернёмся к этому вопросу. Князя Мина и императора Силэй прошу отправляться во временные покои князя Мина. Я приказываю от имени государя: пятому помощнику полководца временно возглавить все войска; что касается того, кто займёт место Цзюнь лин-сы, мы очень скоро созовём всех оставшихся генералов на заседание, где выберем кандидата.

Такая важная должность, как у Цзюнь лин-сы, совершенно не выбиралась государем, так как являлась огромной государственной особенностью «демократичного» Дунфань.

Тайно храня в своих руках секрет чёрной оспы, Жун Тянь договорился с Лу Данем и, не боясь козней со стороны военных, позволил не более десяти солдатам Силэй проследовать в лагерь вместе с военными Дунфань, чтобы привести доказательства.

Пятый помощник полководца приказал приближённому второму помощнику:

— Направь половину войск охранять князя Мина и императора Силэй, чтобы они совершенно беспрепятственно могли войти в императорский дворец. — Вторую половину военных мужчина взял под своё командование и проводил десяток приближённых людей Жун Тяня в лагерь.

На этом осада людей императора Силэй прекратилась, все убрали клинки, а находящиеся под защитой своих приближённых Жун Тянь и Фэн Мин медленно спустились с возвышенности.

Лу Дань и несколько солдат с особой осторожностью окружили силэйцев и последовали за ними, чтобы люди Жун Тяня, как и сам их император, не сбежали, воспользовавшись удобным случаем.

Под солнечными лучами образовались три красивых ряда окружения. В центре находился Жун Тянь с Фэн Мином, первое внешнее окружение составляли облачённые в чёрные одеяния люди Силэй, второе — экипированные в серебристые доспехи военные, а третье — одетые в белые доспехи люди Лу Даня. Если смотреть с высокой горной вершины вниз, то открывался поистине великолепный вид, однако кто мог знать про опасность, что царила там внутри.

С таким окружением все наконец-то добрались до покоев князя Мина. Жун Тянь выразительно посмотрел на двух телохранителей: Жун Ху стал охранять главный вход, а Ле-эр, возглавив десяток людей, прошёл внутрь и, обследовав помещение, вышел доложить:

— Внутри никого, засады тоже нет.

Люди Силэй поочередно вошли в комнату, большая часть солдат осталась у дверей и у стены,

ни на волос не смея терять бдительность.

Вне стен дворца, естественно, тоже стояло несколько рядов охраны, предотвращая побег силэйцев.

Войдя во дворец, Фэн Мин наконец-то выдохнул с облегчением и в одночасье сел на стул:

— Никак не думал, что дело обернётся подобным образом. — Подняв со стола чашечку холодного чая, князь тотчас же поднёс её ко рту и уже хотел было сделать глоток.

Но Ле-эр, силой отняв чашку у князя, долгое время возился с напитком, после чего вернул чай Фэн Мину, докладывая:

— Не отравлено, можно пить.

Подошедший Жун Тянь сжал нос князя, явно укоряя юношу за неосторожность.

— Откуда мне было знать, что у них столько причуд? — Фэн Мин молча опустил голову.

В комнату спешно вошёл Жун Ху:

— Я дважды проверил окрестности, шпионы сказали, что в находящихся в этом дворце двух маленьких туннелях никого нет. Даже нет намёка, чтобы ими пользовались, вот только ради безопасности я уже приказал закрыть ходы и выходы, а ещё оставил там двух охранников, чтобы сторожили.

Зевнув, Фэн Мин взглянул на небо:

— Оказывается, ещё утро, ах, крайне неудачное утро.

Внезапно вспомнив одно дело, князь изменился в лице и, указывая на нос Жун Тяня, свирепо проговорил:

— Если в следующий раз ты вновь выкинешь подобный фокус с самопожертвованием, я ни за что не прощу тебя! В этот раз если бы я по неудачному стечению обстоятельств не вернулся, ты бы уже превратился в императорскую «котлету», — упомянув об этом, Фэн Мин ещё сильнее задрожал, остаточный страх сжал сердце, а в глазах появился блеск слёз.

Жун Тянь уже догадался, что его отругают, вот только не ожидал, что именно сейчас юному князю взбредёт в голову ругаться, и император Силэй молча сел рядом с ним.

Ле-эр, будучи самыммышлёным, махнул рукой, приказывая всем покинуть комнату, и, выходя за дверь вместе с Жун Ху, сказал:

— Ты охраняешь здесь, а я возьму нескольких людей и проверю, нет ли где бреши в охране. — И, преисполненный боевым духом, ушёл.

В гостиной князь наконец стал изливать всевозможные эмоции, полученные в кровавой битве.

— Почему, прекрасно понимая, что, вероятно, это ловушка, ты проник во дворец?

— Почему, прекрасно понимая, что не сможешь выйти из этой ситуации в целостности и сохранности, всё равно рискнул?

— Почему, воспользовавшись вирусом натуральной оспы, убил людей?

— Почему бросил меня, а сам храбро и бесстрашно атаковал зал заседаний?

Не проронив ни слова, Жун Тянь заключил князя в объятия и тихо ответил:

— Разве тебе неизвестна причина?

— Ты слишком глуп [1]. — Фэн Мин прикусил нижнюю губу. — Ты государь, как можно быть таким безрассудным?

— Я являюсь государем и, конечно же, могу быть безрассудным.

— Ты... ты всё тот же мудрый стратег и осмотрительный Жун Тянь?

— Если ты рядом, я, конечно, являюсь мудрым стратегом и осмотрительным Жун Тянем. — И император Силэй со вздохом продолжил: — Без тебя я лишь Жун Тянь, принадлежащий Фэн Мину, и только.

Если есть хоть малейшая возможность быть достойным тебя, даже если это самоубийство, на которое пойдёт лишь глупец, я без колебаний сделаю это.

Жизнь или смерть — неважно.

Сердце охватили тепло и нежность, печально вздохнув, Фэн Мин, находившийся в объятиях Жун Тяня, замолчал на долгое время.

— А матушка-императрица... знает, что ты проник во дворец, рискуя своей жизнью?

Жун Тянь с чрезмерной любовью сказал, смеясь:

— Матушке-императрице известно лишь, что если князь Мин умрёт, её сын наверняка тоже жить не захочет. Так или иначе все умрут, и лучше пожертвовать жизнью. Матушка в любом случае будет придерживаться позиции [2] упрямого сына.

Фэн Мин в душе растрогался, но вновь посетовал:

— Она, почтеннейшая, много лет утопавшая в дворцовой роскоши женщина, как ты мог позволить ей так рисковать и скрытно пробраться в Дунфань? А если случайно всё вскроется, что делать тогда?

На что Жун Тянь с обидой в голосе ответил:

— Ты говоришь, как я мог позволить матушке так рисковать? Это матушка-императрица предложила: если Дунфань будет иметь дело с чёрной оспой, то необходимо собрать все войска Дунфань, ведь чем больше рядовых солдат, тем лучше. Такой сдерживающий эффект лучше всего, и только так действительно можно будет, не проливая крови, получить первый военный трофей и положить начало моему плану по объединению Поднебесной. Стоя на своём, она скрытно пробралась во дворец, сказав, что у неё достаточно умений, чтобы свести с ума военных Дунфань и заставить их отдать приказ о переводе большинства войск в столицу. Скажи, какое решение стоит принять почтительному сыну, столкнувшись с упрямством матушки? Вот только слова почтеннейшей матушки оказались верны, при нашем внутреннем и внешнем содействии военные Дунфань из-за распоряжений своего командования завертелись волчком.

Фэн Мин вытаращил глаза и раскрыл рот от изумления.

Родившая такого сына, как Жун Тянь, женщина действительно была не проста.

Вытянув руку, император Силэй помассировал юноше между бровями, говоря:

— Не стоит снова хмуриться. Я рядом с тобой, а все беды пройдут. Так же, как и нынешняя ситуация, которая неожиданно изменилась, хотя уже очевидно была безвыходной. В дальнейшем, после возвращения в Силэй, необходимо будет хорошенько отблагодарить небесных духов. Устроим девятидневную церемонию благодарения им. Тебе нравится идея?

— В самом деле странно: тебя, как будто, не волнует случившееся с Силэй, — Фэн Мин недоверчиво взглянул на Жун Тяня. — Император Силэй, похоже, запомнил, что твой престол уже потерян.

— Кто бы мог подумать, князь Мин не доверяет мне так, как Лу Дань. — И император Силэй, поцокав языком, добавил: — Увидев, что я жив, Лу Дань сразу понял — дело Тун-эра пошло на убыль. Если бы он не был уверен, что я верну себе титул императора, как бы он заключил со мной союзный договор?

— Что-то не то, наверняка ты от меня что-то скрываешь. — Князь пристально смотрел на Жун Тяня, словно обнаруживший добычу маленький настойчивый [3] тигрёнок.

Жун Тянь, с мгновение поглядев на смотрящего на него Фэн Мина, не удержался от смеха и, погладив его по щеке, завлекательно-низко рассмеялся:

— Не позволяй я Тун-эру продемонстрировать своих умений, как бы раскрыл [4] чиновников, скрывающих свою неверность мне? Прежде чем идти завоёвывать Поднебесную, необходимо упорядочить внутреннюю политику своей страны, я лишь воспользовался удобным случаем и избавил себя от всей скрытой угрозы.

Князь Мин проворчал:

— Знаю, ты учитываешь лишь свои интересы, но ты действительно уверен, что легко отвоюешь свой титул?

Жун Тянь посмотрел на князя и с натянутой улыбкой проговорил:

— Оказывается, князь Мин верит в меня меньше, чем мой враг, должен ли я наказать его за это?

Князь заметил, что взгляд императора помрачнел, став подозрительным, тело бросило в жар, сердце бешено забилося в груди, а сам юноша с лёгкой паникой сказал:

— Лезвие Дунфань всё ещё у шеи, а ты, оказывается, думаешь о таких вещах.

— Какой смысл его бояться? Я верю, что у Лу Даня на этот раз искренние помыслы.

— Когда Лу Дань справится с военным командованием, тогда и поговорим.

На что Жун Тянь выдал:

— Сейчас народ в тревоге, а у военных царит хаос, самое главное — уладить вопрос с оставшимся командованием, а обуздать рядовых солдат совершенно не сложно.

Серьёзно поразмыслив, князь всё же покачал головой:

— Военная мощь укоренилась, и даже с прогнившей лодки наберётся три цуня гвоздей [5]. С мощью в руках Лу Даню также будет непросто спешно убить высшее командование, даже если они лежат в постели, сражённые болезнью.

На лице Жун Тяня появилась странная улыбка:

— Князь Мин, по-видимому, запомнил: моя почтенная матушка, которая сейчас возглавляет четырёхтысячное, не боящееся смерти, отборное и лучшее из всех войско Силэй, спрячется в стенах императорского дворца.

Фэн Мин изумился:

— Если к этому времени матушка-императрица не увидит, как мы покидаем дворец, разве она не посчитает нас всех уже убитыми и впадёт в отчаяние?

— С характером матушки перед тем, как впасть в отчаяние, она воспользуется средствами, что у неё в руках, чтобы отомстить за нас.

— Отомстить?

Жун Тянь подмигнул Фэн Мину:

— Убив всех высокопоставленных генералов Пинси.

Князь, резко подпрыгнув, сказал:

— О, нет, если матушка-императрица потеряет своего горячо любимого сына и, не думая о себе, отправится к военным мстить, то если что-нибудь случится, что делать тогда?

— Матушка совершенно не такая. Она, конечно, уничтожит военных, а после, в целях своей безопасности, вернётся в Силэй и, использовав нашу скрытую многовековую мощь, во имя своего славного сына, убьёт Тун-эра и вернёт престол Силэй. — Жун Тянь спокойно взглянул вдаль, в глазах промелькнули почёт и восхищение. — Только матушка императора Силэй Жун Тяня — самая почитаемая женщина Силэй.

Сердце из-за волнения гулко билось в груди, а сам князь, недолго смотрев на Жун Тяня, фыркнул:

— Я скоро упаду в обморок, а всё из-за того, что рядом разжигатель войн.

Увидев его изнеженное состояние, император Силэй не выдержал и, опустив голову,

безжалостно поцеловал князя в губы.

Унизанная жемчугом занавеска с шумом поднялась, и Ле-эр торопливо вошёл в комнату, как раз замечая, что Фэн Мин, словно заяц, которому наступили на хвост, резко вырвался из объятий Жун Тяня и, краснея, вернулся на своё место.

— Государь и князь Мин, виноват, я не нарочно беспокою, лишь хочу доложить, что нет никаких необычных действий со стороны внешней дворцовой охраны Дунфань.

Фэн Мину всё же не хватало хладнокровия Жун Тяня, и под внимательным взглядом Ле-эра он растерялся [6], затем, найдя тему для разговора, спросил:

— А где же твой наследный принц Юньинь? Как согласился отпустить тебя на гибель?

На что Ле-эр со смехом ответил:

— Юн И, из-за моего дела, которое разозлило императора Юньинь и к тому же спровоцировало второго и третьего принцев, теперь уже не станет наследным принцем, лишь займёт положение простого принца, ведущего сытую жизнь и не испытывающего нехватки в деньгах. Он вообще не знает, что я отправился в императорский дворец. Разве он не разозлится, узнав об этом? А место наследного принца... должно быть, уже у второго принца Юньинь.

Фэн Мин, не ожидав, что метод Ле-эра будет таким потрясающим и жестоким, немного изумился.

Жун Тянь пояснил:

— Второй принц Юньинь в дружеских отношениях с Тун-эром; когда Тун-эр вступил на престол, он первым прислал ему поздравительные подношения.

Ле-эр ухмыльнулся:

— В будущем Силэй начнёт войну с другими государствами. Допустим, между страной Тун и Силэй многовековая вражда, однако между Юньинь и Силэй до сих пор дружеские отношения, к тому же она страна-союзник, без повода сложнее будет нанести удар. Как нарочно Юньинь соседствует с Силэй, если не захватить Юньинь, то у нашего государства не будет возможности расширяться. Хе-хе, теперь предатель из семьи Тун помог государю решить эту важную проблему... Их наследный принц Юньинь прислал поздравительные подношения бунтовщику, захватившему престол Силэй, который вскоре вернётся к настоящему государю, даже без проблем можно будет отправить войска атаковать Юньинь.

Только тогда Фэн Мин понял, что в потере престола есть скрытый смысл.

Однако сейчас мысли Жун Тяня были о другом. Стоило ему только коснуться губ князя, как в комнату тотчас же вломился Ле-эр, и молодой мужчина как раз подумывал вновь «сцапать» горячо любимого феникса, потому, не отводя взгляда с Ле-эра, кашлянул.

Хорошо зная намерения своего господина, Ле-эр, тотчас же всё осознав, кокетливо проговорил:

— У государя больше нет приказов, тогда Ваш подчинённый продолжит патрулировать. — И струйкой дыма умчался из комнаты, наталкиваясь на караулящего снаружи Жун Ху, которому громко сказал: — Старший брат, твои догадки ошибочны, они всё ещё одеты и даже толком ничего не начинали. Верни проспороенное серебро. — И, смеясь, убежал.

Фэн Мин, находясь за занавеской, ясно слышал слова Ле-эра и, краснея, уже хотел было заползти под стол, однако был схвачен.

Жун Тянь обиженно проронил:

— Оказывается, подчинённые сочли наши действия слишком медленными, насколько это унижительно? Лучше поторопиться.

Косо оглядев мужчину с ног до головы, князь заметил, что только что перевязанная рана Жун Тяня снова закровоточила, отчего рука не поднялась ударить императора Силэй, князю ничего другого не оставалось, как ласково сказать:

— Ты ранен, нужно как следует отдохнуть. — Добровольно дважды поцеловав молодого мужчину, Фэн Мин добавил: — Погода слишком холодная, вот так обними меня.

Жун Тянь переживал, что князя мучает печаль, поэтому как он мог пойти наперекор желаниям князя и, повиновавшись приказу, крепко обнял Фэн Мина.

Юноша, высвободив руки, слегка погладил красивое лицо императора Силэй, прошло почти несколько десятков дней, а молодой мужчина достаточно сильно исхудал.

Всё это время Фэн Мин в душе злился на Жун Тяня, укоряя того в том, что император Силэй сквозь пальцы смотрит на ситуацию с пленённым князем, кроме того, притворился мёртвым, заставляя волноваться. Сейчас если подумать, то Жун Тянь в течение такого короткого времени проделал такую тяжёлую работу: не говоря про сражение с Тун-эром, вернулся в Силэй, чтобы спасти матушку-императрицу, затем вновь поспешил в Дунфань, издали доставляя вирус натуральной оспы, даже отправил людей выведать военное положение Бэйци, повсеместно устроил засаду из фальшивых войск Бэйци, принимая во внимание обстановку даже таких мелких государств, как Юнъинь, и наконец, когда успех был близок, вновь попался на уловки Лу Даня и раньше положенного времени вынужденно вторгся во дворец Дунфань, где ввязался в кровопролитный бой. Наверняка даже железный человек бы не смог такого сделать, князь действительно был обязан этому императору Силэй.

Вдыхая до боли знакомый аромат любимого, Фэн Мин пристально смотрел на красивое лицо, которое часто видел в сновидениях, и, словно находясь в прекрасном сне, обнажил сонную улыбку.

Жун Тянь, ласково глядя на князя, спросил:

— Что смеёшься? У тебя взгляд рассеянный, хочешь спать?

Князь покачал головой и, крайне глубоким взглядом посмотрев на молодого мужчину, прошептал:

— Как я могу закрыть глаза?

Двое мужчин, чувствуя, как тает зимний день, совершенно не чувствовали холода и, ещё сильнее прижавшись друг к другу, надеялись всю жизнь провести вместе, не разлучаясь, и сидеть в таком покое было бы наилучшим вариантом.

Время бесшумно уплывало, а угрожающая мощь обнажённого меча и натянутой тетивы [7] уже осталась позади.

Солнце быстро промчалось в их обоюдном взгляде, и, когда лучи достигли запада, двое мужчин невольно почувствовали сладость в воздухе и зарделись от стыда.

Однако их покой в итоге был нарушен.

Жун Ху, спешно войдя, доложил:

— Внешние сторожевые войска внезапно отступили: прибыл господин советник.

Жун Тянь помолчал с мгновение, и в тигриных глазах появилась шелковинка едва заметного благоговения:

— Крайне расторопно, за такое короткое время справился с военными.

Лу Дань спешно вошёл, его лицо заливал необычный румянец, увидев Фэн Мина, мужчина спокойно проговорил:

— Распространение оспы внезапно увеличилось, военное командование всё же заразилось. Что ещё пугает, так это то, что несколько тысяч лучших солдат Бэйци неожиданно, воспользовавшись суматохой, пробрались к высокопоставленным генералам и закололи большую часть военного состава, сейчас все военные в панике. Государь приказал мне взять в

свои руки полномочия каждого войска Дунфань, теперь дело более-менее пришло в порядок, только нужно публичное обращение князя Мина.

Жун Тянь поразмыслил: конечно, то, что всё командование заразилось, должно быть, ложь, вероятно менее половины были уничтожены матушкой-императрицей, а другое большинство было срочно вызвано Лу Данем в зал заседаний, где их словно рыбёшек выловили сразу за один заброс сети [8]. Лу Дань нанёс удар, предполагая, что не должно остаться свидетелей.

Фэн Мин испуганно спросил:

— Тогда где тринадцатый помощник полководца и генерал Цан Янь?

— Генерал Цан Янь третьего дня уже умер от болезни. — Лу Дань блёкло добавил: — Тринадцатый помощник полководца давно заразился и только что умер.

Едва услышав это, князь понял, что Цзюнь Тин подверглась жестокому убийству. Хоть зная, что если бы она командовала войсками, то наверняка не отпустила бы его, князя Мина, однако, вспомнил: когда он только начал принимать участие в вопросах армии, то первые, кто оказал свою поддержку, были эти два человека; князь невольно опечалился и, помолчав с мгновение, неохотно взял себя в руки и заговорил:

— Господин советник хочет, чтобы я сделал публичное обращение?

— Верно, только и нужно, чтобы князь Мин показался, тогда добьётся поддержки народа Дунфань.

Солнце закатилось, наступила ночь, и охваченная смертью столица Дунфань — Пинси — внезапно странно ожила.

Над городской стеной загорелись многочисленные яркие фейерверки, озарив разноцветным сиянием небеса, оставшаяся в Пинси знать в сопровождении слуг вышла на большую улицу, разглашая императорский указ: всем, кто остался в Дунфань, собраться у городской стены.

Многочисленные смерти из-за распространения оспы наконец-то удалось остановить.

— Посланник Небес явился!

— Способ справиться с заразой нашёлся!

Пострадавший от оспы и дрожащий от страха народ попросту не верил в эту хорошую новость, сомневался и напряжённо ждал с волнением, люди со страхом выходили из домов, переступить порог которых не осмеливались долгое время, и собирались у городской стены.

При свете сотен фонарей на городской стене появились люди, облачённые в роскошные наряды: их государь и господин советник — Лу Дань, которых окружали несколько участвующих в военных делах низкочинных генералов и ещё двое никому не известных людей, однако все слышали их имена — император Силэй Жун Тянь и князь Мин.

Фэн Мин, стоя напротив находящейся у его ног хмурой толпы, в глазах которой было одно желание — выжить, раскрыл один важный секрет, оказывающий огромное влияние на весь мир, — победу над чёрной оспой с помощью коровьей оспы.

— Чёрная оспа является опасным вирусным заболеванием, которое очень легко распространяется, несёт высокую смертность, более того, для государства, где подобная вспышка является редкостью, последствия крайне серьёзные. — Прославленный среди одиннадцати государств князь Мин, стоящий на городской стене и обративший лицо в сторону ветра, добавил с уверенностью: — В Силэй уже некогда вспыхивала оспа, которая унесла большую часть народа, я и император Силэй Жун Тянь просили Небеса смилостивиться, в итоге растрогали духов и они ниспослали нам средство борьбы с оспой. Сегодня, следуя воле Небес, мы поспешили в Дунфань, чтобы избавить вашу страну от ужасного вируса. — Стоящий рядом Жун Тянь посмотрел на изящного и ослепительного князя и довольно улыбнулся.

— Средство достаточно простое: пастухи часто болеют вирусом коровьей оспы, который, конечно, подхватывают от коров. Коровья оспа и чёрная оспа имеют общее происхождение, однако коровья оспа наносит незначительный вред человеку и она не смертельна. У заражённого коровьей оспой человека вырабатывается иммунитет, который не позволит вновь заразиться чёрной оспой.

Взглянув на растерянный вид толпы, князь осознал, что люди не поняли новые термины, такие как «вирус» и «иммунитет», потому решил просто объяснить конкретный метод лечения:

— Нужно взять гной у заболевшего коровьей оспой и дать его заболевшему чёрной оспой: сделайте неглубокий надрез на руке, после чего нанесите на ранку гной, потом перевяжите, через несколько дней на руке может появиться «зёрнышко» коровьей оспы, и с этого времени вам больше не будет страшна чёрная оспа [9].

Народ Дунфань забеспокоился.

Они видели, насколько ужасна была болезнь, которая наполнила их страхом, сейчас же нужно было на свою руку нанести подобную вещь, разве это не смертный приговор?

На что Лу Дань громко сказал:

— Тот, кто не верит, может отправиться в пригород, в специально отведённый для больных военный лагерь. Князь Мин из Силэй привёз с собой людей, на которых был использован подобный метод, каждый из них, не боясь заразиться, сейчас в том лагере ухаживает за больными оспой.

— Пойдёмте посмотрим! Своими глазами поглядим на это чудо!

— Возьмём с собой несколько человек, пойдём посмотрим: лжёт князь Мин или нет!

Выбрав несколько молодых парней, которые оказались храбрее остальных, недоверчивые люди решили отправиться в лагерь, чтобы проверить, а императорская охрана, немедля подав им коней, открыла городские ворота, позволяя покинуть город.

Затем последовало долгое, пронизанное молчанием ожидание.

Князь приглушённо спросил стоящего рядом Жун Тяня:

— Если они узнают, что это лишь профилактический способ, который, возможно, не спасёт заражённых, они могут взбунтоваться?

Жун Тянь со смехом ответил:

— Профилактика уже большое доброе дело, по крайней мере можно не бояться за здоровье близких и что они могут заразиться. Узнав, что коровья оспа действительно эффективна, они с этих пор будут считать тебя божеством и станут почитать.

Услышав топот копыт, все уставились во мрак, замечая приближающийся размытый силуэт.

Силуэт становился ближе: мчавшиеся несколько человек, что отправились в лагерь, сильно вспотев, возвращались обратно, яростно подстёгивая коней. Как только они подъехали и спешили, тотчас же встали на колени, и ехавший впереди молодой человек в неистовстве закричал:

— Они действительно не боятся заразы, они помогают заболевшим солдатам, вытирают их тела, кормят их, я пока был в лагере, со стороны внимательно наблюдал. О, Небеса, они действительно не боятся заразиться! Небеса, Вы наконец-то явили чудо! Я наконец-то могу вернуть в Пинси сбежавшую семью!

— Небеса-а!

— Вы наконец-то сжалились над моим Дунфань.

— Мы можем выйти на улицу и отправиться за детьми, чтобы вернуть их домой!

Народ Дунфань, плача навзрыд, опустился на колени и, заливаясь горькими слезами, благодарил милосердные Небеса.

Государь, находящийся под строгой защитой Лу Даня с того момента, как началась оспа, наконец-то заговорил:

— Народ моего Дунфань, это воля Небес, Небеса ниспослали императора Силэй и князя Мина нам на помощь, за что мы признательны им. С сегодняшнего дня Дунфань будет зависим от Силэй! Небеса души не чают в князе Мине из Силэй, который будет вести за собой, с его заботой этот кусочек земли станет ещё богаче и сильнее, наша жизнь станет ещё лучше, мы больше никогда не познаем голода и болезней!

Эту речь Фэн Мин «сплагатил» с религиозного канала, и поскольку в этой эпохе не было авторского права, она только и могла, что воодушевить людей, что уже было неплохо.

Конечно же, Лу Дань заставил государя выучить эту речь наизусть, так как император слушался только его одного.

— Небеса ведут за собой.

— Небеса души не чают в князе Мине.

— Этих цзиши из-за нападения на князя Мина наказали Небеса, уничтожив наше красивое святое озеро.

— Однако неужели Дунфань примкнёт к Силэй... — Слабый здравомыслящий голос утонул в сумасшедшем веселье.

Заранее отправленные в толпу несколько сотен доверенных людей Лу Даня, не упуская подходящего момента, громко начали кричать:

— Мы слушаем государя! Долгих лет Силэй! Долгих лет князю Мину! Небеса, помилуйте нас!

— Небеса, помилуйте нас!

— Последуем за князем Мином и тотчас же получим благосклонность Небес!

— Долгих лет! Долгих лет князю Мину! Долгих лет Силэй!

Стоящий народ, подвергшись подстрекательству, время от времени раздражался безумными воплями.

— Долгих лет князю Мину! Последуем за князем Мином!

— Долгих лет Силэй!

Фэн Мин оцепенел и шёпотом спросил:

— В итоге кому будет принадлежать Дунфань? Ты являешься государем.

— Конечно же тебе, — басовито рассмеялся Жун Тянь. — Дунфань — твой, а ты — мой. — Дунфань от Силэй как-никак слишком далёк, силой менять власть, вне всякого сомнения, очень трудно, а управлять государством, используя духовное почитание, — это действительно выгодный способ.

В одиннадцати государствах кто мог больше подходить на роль небесного предвестника, как не князь Мин?

Даже Жун Тянь едва не поверил в то, что его возлюбленный сошёл с небес, иначе как он мог быть таким идеальным?

— Долгих лет князю Мину! Долгих лет императору Силэй!

Обменявшись взглядом с Лу Данем, Жун Тянь сделал шаг вперёд, позволяя всем стоящим у городской стены хорошо рассмотреть себя, и с отважным тоном громко проговорил:

— Я, император Силэй Жун Тянь, повелеваю: с сегодняшнего дня Дунфань становится частью Силэй. Я заверяю, что в моих глазах дунфаньцы и силэйцы одинаково ценны, я могу дать вам справедливую, стабильную и зажиточную жизнь, если кто посмеет бесцеремонно вторгнуться на территории Дунфань, то он станет моим врагом. Я так же ручаюсь, что место императора Дунфань по-прежнему будет почётным и сам государь будет пользоваться полной императорской властью, на этом куске земли никто не встанет выше императора Дунфань, даже я и князь Мин бессильны перед государем Дунфань. Однако после смерти государя никто из царствующего дома Дунфань не сможет занять престол, и с того момента титул императора Дунфань исчезнет, и только тогда Дунфань официально станет частью моего Силэй.

Крепко ухватившись за такую возможность, Фэн Мин, излучая обаяние, сделал шаг вперёд и, стоя плечом к плечу с Жун Тянем, громко спросил:

— Император Силэй даст вам справедливую, стабильную и богатую жизнь, народ Дунфань, вы согласны?

Атмосфера у городских стен быстро взорвалась подобно горячему вулкану, и раздался крик бесчисленной толпы:

— Согласны! Согласны!

— Согласны! Согласны!

Затесавшиеся в толпе приближённые Лу Даня, подгоняя волны, создавали бурю [10].

Получив при народе Дунфань обещание Жун Тяня, Лу Дань принял удовлетворённый вид. Повернув голову и с искренней нежностью выплеснув свои чувства государю Дунфань, господин советник шёпотом спросил:

— Я позволил государю потерять Дунфань, государь ненавидит меня?

Император Дунфань, посмотрев на народ, перевёл взгляд на Лу Даня:

— Почему советник так говорит, без господина советника я бы потерял всё. Если бы не император Силэй Жун Тянь, как долго я мог бы удержать Дунфань? Эта страна и народ в моих глазах не могут сравниться с твоей улыбкой. Господин советник, вновь улыбнитесь мне?

Охваченный печалью Лу Дань обнажил сияющую, словно яркое солнце, улыбку. Руки, почувствовав прикосновение холодных рук любимого, безостановочно задрожали.

В ту ночь шум над Пинси не затихал ни на минуту.

Мать-императрица, узнав новости, поспешила к городской стене, увидев вдалеке величественные силуэты родного сына и князя Мина, женщина более-менее догадалась о том, что происходит, это её потрясло и одновременно разгневало, в порыве гнева она полностью утратила величественные и прекрасные манеры, присущие Её Величеству, и, роняя слёзы, приказала убить всё командование Дунфань, которое только можно.

Сейчас жребий был брошен, женщине было неловко встречаться с Лу Данем, поэтому Её Величество тайно отправила людей сообщить Жун Ху, что она уже прибыла к городской стене.

Стоящие внизу люди Жун Тяня, не мешкая, тотчас взяли гной, в котором содержался вирус коровьей оспы, чтобы «привить» дунфаньцев.

Фэн Мин мрачно спросил:

— Ты откуда достал гной, заражённый коровьей оспой?

Но Ле-эр влез в чужой разговор:

— Когда государь покидал Силэй, то уже придумал подходящий план, как расправиться с Дунфань, а потому как он мог не подготовить заражённый гной? Мы поймали людей Бэйци,

половину которых заразили чёрной оспой, а половину — коровьей оспой, откуда и взяли нынешнюю вакцину, после связали и оставили в тайном месте. А сами, взяв из их тел вакцину, отправились сюда.

Всё ещё не привыкший к таким жестоким мерам Фэн Мин хмуро покачал головой.

Жун Тянь холодно фыркнул:

— Ле-эр, Фэн Мин и я перешёптываемся, а ты, похоже, ясно слышишь каждую фразу.

— Ле-эр не осмелился. — Юноша сконфуженно вжал голову в плечи и отступил на пару шагов.

Через час, когда мышцы утомились, а силы иссякли, все вернулись во дворец, Жун Ху уже разузнал, где находилась матушка-императрица, а также четырёхтысячное войско. Добившись великого успеха и убив всё командование Дунфань, войска Силэй понесли тяжёлые потери — почти восемьсот солдат. Было больно терять этих тайно воспитанных бесстрашных воинов Жун Тяня.

Матушка-императрица, переодевшись в низкочинного генерала, спряталась среди солдат, а Жун Ху, взяв трёхтысячное войско, сопровождал её под охраной во дворец. Войскам Силэй, как и Жун Тяню, который словно уже стал будущим правителем Дунфань, никто не смел противостоять.

Однако здесь всё же был не дворец Силэй, и говорить всё, что вздумается, приходилось с огромной осторожностью.

С болью во всём теле Фэн Мин рассчитывал хорошенько помыться с Жун Тянем и немного отдохнуть, однако Лу Дань направил к ним людей с сообщением, что через полчаса император Дунфань лично пожалует и вручит официальный документ о капитуляции.

На что князь в недоумении спросил:

— Неужели нельзя подождать до завтра?

Жун Тянь, похоже что-то поняв, кивнул.

Помывшись и переодевшись в официальный наряд, двое мужчин сидели в гостиной, ожидая императора Дунфань и господина советника. Лу Дань хорошо понимал принцип «если работаешь с кем-то, то не следует в нём сомневаться», потому без какой-либо настороженности к Жун Тяню подошёл к двери и, оставив всех приближённых охранников снаружи, вошёл в комнату вместе с императором Дунфань.

Никогда не принимавший участие в официальном политическом событии Фэн Мин с волнением проговорил:

— В этом маленьком дворце встреча, возможно, получится неофициальной? Какая существует процедура? Может, есть какое-то особое правило?

На что император Силэй успокаивающе ответил:

— Лу Дань лишь хочет, чтобы император Дунфань не чувствовал себя некомфортно, потому специально выбрал этот маленький дворец, чтобы как можно скорее покончить с этим делом. Военная мощь устранена, Лу Дань уже с нами добился союза, император Дунфань публично сдался, теперь остались лишь формальности — на бумаге поставить своё имя, и всё.

Только сейчас князь слегка кивнул.

В этот момент Жун Ху торжественно уведомил:

— Докладываю государю: прибыл император Дунфань.

Унизанная жемчугом занавеска колыхнулась и император Дунфань, облачённый в торжественный наряд государя, что венчала украшенная жемчугом корона, как символ императорской власти, появился перед ними. На лице не было эмоций, глаза казались пустыми, словно вся суть таилась где-то глубоко в душе. В обеих руках государь держал ярко-жёлтое письмо, сделав шаг в гостиную, молодой мужчина внезапно остановился и неспешно обернулся.

Стоящий за занавеской Лу Дань проговорил:

— Я снаружи подожду государя. С этой поры у государя появится множество дел, которые нужно будет делать лишь ему одному.

Позволив любимому в одиночку встретиться с Жун Тянем и Фэн Мином, с каменным сердцем господин советник сейчас, находясь снаружи гостиной и глядя на зимний пейзаж, присел на стул.

Увидев пустой взгляд императора Дунфань, князь не выдержал и, поднявшись с места, ласково предложил:

— Государь, прошу садитесь.

Третий фигурант беседы сел и Фэн Мин с искренностью проговорил:

— Жун Тянь уже дал обещание господину советнику, хоть Дунфань и сдастся, но место государя будет неизменным и по-прежнему почитаемым в Дунфань. Государю не стоит переживать, мы хорошенько позаботимся о государе и родственниках государя.

Император Дунфань словно специально слегка изумился и, с благодарностью посмотрев на князя, прошептал:

— Премного благодарен князю Мину. Господин советник не ошибся человеком.

Жун Тянь обратил внимание на талию, где за поясом действительно висел меч Ушуан.

Именно этот своевременно повешенный Ушуан заставил Лу Даня побережь жизнь любимого всей душой императора Дунфань, и вопреки всему позволить Жун Тяню достигнуть своей цели — завладеть страной.

В тишине, которая витала в гостиной, ярко-жёлтый шёлк медленно расстелился на длинном столе.

Фэн Мин затаил дыхание. Несмотря на то, что эта церемония была такой простой, этот миг навсегда был вписан в историю, как символ одного процветающего государства, а другого — канувшего в небытие.

Жун Тянь на имени императора Дунфань и под печатью страны красивым почерком, больше напоминавшим взлёт дракона и пляску феникса, поставил собственное имя, которому суждено было засиять в истории.

Ле-эр выглядел серьёзным, что было крайне редко, и, обеими руками приняв письмо о добровольной сдаче в плен, начал читать вслух.

«Так как Дунфань существует по воле Небес и процветает по воле Небес, и то, что сейчас князь Мин спас народ Дунфань от губительной беды, тоже является волей Небес. Дунфань не посмеет противиться Небесам, и желает покориться Силэй. Отныне реки и горы Дунфань будут являться территорией Силэй; народ Дунфань в скором времени станет народом Силэй.

После моей смерти император Силэй станет править моим Дунфань.

Покорнейше клянусь и никогда не пожалею об этом».

Сидя тихо за занавеской, Лу Дань молча вслушивался в произнесённые Ле-эром слова указа, когда юноша дочитал, услышал, как кто-то вздохнул с облегчением, и Фэн Мин с лёгкостью проговорил:

— Союзный договор наконец-то установлен.

Лёгкий вздох князя достиг ушей Лу Даня, подобно очаровательному звону колокольчика. На потрясающем и непревзойдённо красивом лице появилась шелковинка горестной улыбки, Лу Дань, глядя на зимний пейзаж, положил голову на спинку кресла и медленно закрыл глаза.

Последняя пронизанная светом слеза сорвалась с уголка глаз и тихо упала на землю, которая теперь была отдана Жун Тяню.

Снаружи северный ветер постепенно усиливался, заставляя толстую дверную занавеску качаться.

В холодном мраке ночи, хлопья снега посыпались с небес, танцуя и паря, разворачиваясь кругом и целуя кусочек превосходной земли, за которой некогда с нежностью наблюдали небесные духи.

Немного дунфаньцев знали, что в этом снегопаде они утратили самого талантливого и великого за всю историю страны советника-стратега.

Немного людей в длинной, как река Хуаньхэ, истории могут отыскать крупницу спрятанного алмаза, а в дурной славе предателя разобрать дальновидность и глубокое чувство любви.

Однако именно из-за него, этот кусочек земли получил заботу великого и могущественного Силэй, избежав войны в таком тревожном веке одиннадцати государств; также из-за него, самый знаменитый в истории князь Мин никогда не забудет эту страну, которая оказала милости больше в сравнении с будущими сдавшимися Силэй странами.

Народ этой страны не узнает, что их будущее счастье и благоденствие исходят от этой короткой и ослепительной жизни.

Узнав, что Лу Дань умер, Фэн Мин опечалился и, в ночном порыве ветра и снега прижимаясь к груди Жун Тяня, долгое время не мог заснуть.

В итоге вспомнил, что когда-то говорил Лу Дань, что после того, как он восстановил силы князя, ему осталось жить всего лишь семь дней. Эта ночь являлась как раз седьмой ночью, после того, как Фэн Мин ни с того ни с сего лишился чувств.

Жун Тянь тихо составил князю компанию в эту бессонную ночь.

Когда рассвет ещё не окрасил горизонт Жун Ху явился доложить:

— Император Дунфань прислал людей с этим.

Князь открыл большую коробку укрытую шёлком, где оказался меч Ушуан, который ещё вчера висел на поясе императора Дунфань, зацепившись взглядом за знакомые узоры, украшавшие ножны, князь был ошеломлён.

Стоящий в стороне Жун Ху добавил:

— Император Дунфань сказал, что все вещи, нажитые за жизнь господина советника, приносили огромную пользу, и лишь одна эта вещь совершенно бесполезная, поэтому её лучше вернуть императору Силэй.

В это время снаружи в комнату вбежал Ле-эр и, задыхаясь, проговорил:

— Я отправился в опочивальню императора Дунфань, но его там не обнаружил, даже гроб, куда положили тело господина советника, оказался пустым, все слуги отправились их искать повсюду.

Фэн Мин, не сказав ни слова, внезапно выскочил за дверь.

Жун Тянь последовал за ним и, не успев остановить, испуганно спросил:

— Фэн Мин, куда ты? — торопливо выбежал следом. Жун Ху и Ле-эр также поспешили за господами.

Шедший всю ночь снегопад до сих пор не прекращался, засыпав внутренний дворец больше, чем на цунь [11]. Князь, не обращая внимания на следовавших за ним и кричащих людей, бежал так быстро, как никогда раньше, достигнув внешней большой площади, которая была перед небесно-земным дворцом, внезапно остановился и, задыхаясь, нагнулся, а когда вновь выпрямился, в глазах уже стояли слёзы.

В белом покрове на больших ступенях перед небесно-земным дворцом едва были заметны два сидящих силуэта, прижавшихся к друг другу и уже заметённых толстым слоем снега.

Молодой мужчина, чьё лицо было покрыто снегом, крепко обнимал умершего Лу Даня, закончив свою жизнь там, где навечно запомнилась [12] первая их встреча.

Мужчина за всю свою жизнь, вероятно, впервые пошёл наперекор желанию Лу Даня.

Все мысли, которые Лу Дань продумывал день и ночь, все силы, потраченные им перед смертью, в итоге унесло восточным течением [13] лишь из-за единственного государя, решившего дать волю своему нраву и отправится вслед за любимым.

Печаль, которой повелевали таинственные духи и которую не в силах было сдержать, охватила

Фэн Мина.

Линь Инь умер, Цан Янь, Цзюнь Цин, Цзюнь Тин, Лу Дань, император Дунфань...

Бесчисленное количество людей умерло.

Жизнь и смерть так реальны, что перед быстротечным временем, сила человека и сила любви всё же такие ничтожные вещи.

Сзади юношу медленно обняли, притягивая к крепкой груди, — Жун Тянь уже нагнал своего Феникса.

— Жун Тянь, — глотая слёзы и задыхаясь, проронил князь, — не покидай меня ни в жизни, ни в смерти, вечной разлуки я не вынесу.

До уха донёлся успокаивающий и до боли знакомый голос императора Силэй:

— Мы никогда не расстанемся ни в жизни, ни в смерти, никогда.

— Так и будет. — И князь слабо добавил: — С сегодняшним рассветом, если бы в сердце императора Дунфань не было добрых намерений и он не прислал бы Ушуан, снимая ядовитое проклятие, возможно, я уже умер бы.

— Глупый Фэн Мин, — и Жун Тянь с чрезмерной любовью вздохнул. — Даже если бы он оставил при себе Ушуан, ты всё равно остался бы целёхоньким.

Фэн Мин распахнул красные глаза и с изумлением спросил:

— Неужели ядовитое проклятие — фальшивка?

— Парные мечи Ушуан - одни из трёх сокровищ моего Силэй, и ядовитое проклятие, конечно же, не является фальшивкой. — Жун Тянь, как ни в чем не бывало, продолжил: — Только как я мог, последовав во дворец за матушкой-императрицей, оставить три сокровища Силэй, позволяя Тун-эру безрассудно раздаривать их?

Находящийся в объятиях князь ненадолго застыл.

— Подделал парные мечи, чтобы перехитрить Лу Даня?

Жун Тянь вскользь проговорил:

— Ножны, конечно же, настоящие, а мечи заменили, и всё. Странно, тогда, когда ты вешал меч себе на пояс, отправляясь в Фаньцзя, лезвие было очень тупым, в сравнении с тем, что у тебя сейчас, а вчера, когда ты сражался с врагом, не заметил, насколько он был остр?

Не обращая внимания на Жун Тяня, Фэн Мин нашёл «трещину»:

— Ты заранее во дворце оставил фальшивые мечи Ушуан? Не побрезговал оставить настоящие ножны, несомненно, понимая, что они неплохо могут послужить тебе, вот только как ты понял, что Тун-эр может отправить их Лу Даню?

Император Силэй, безжалостно укусив князя за ушко, ответил:

— Мой любимый князь Мин, когда ты всем сердцем и всеми помыслами станешь доверять моей мощи как императора Силэй? Я много раз говорил тебе, что в Силэй полно моих приближённых. Найдя нескольких близких слуг Тун-эра, сложно намекнуть, что именно послать в подарок и кому?

Фэн Мин крепко обнял молодого мужчину, громко говоря:

— Мне всё равно, я хочу с тобой носить настоящие парные мечи Ушуан. Отныне твоя жизнь — моя жизнь, твоя смерть — моя смерть. Независимо от того, жизнь это или смерть, нас не разлучить.

Примечания:

[1] Также □ переводится как «действовать напролом».

[2] В оригинале фраза звучит как «рукой бедра не вывернуть», обр. в знач.: слабому и бедному не одолеть богатого и сильного; ср. русск.: плетью обуха не перешибёшь.

[3] В оригинале фраза звучит как «гравировать не переставая», обр. в знач.: обладать упорством и настойчивостью; неотступно, упорно, настойчиво.

[4] В оригинале фраза звучит как «высунуть лошадиные копыта», обр.: выдать, раскрыть.

[5] Обр.: даже если вещь утратила годность по своему прямому назначению, в ней найдутся ценные элементы, которые нельзя недооценивать; ср. русск.: с паршивой овцы хоть шерсти клок.

[6] В оригинале фраза звучит как «руки и ноги не знают, что предпринять», обр. в знач.: растеряться, оказаться беспомощным.

[7] «Меч обнажён и натянута тетива самострела», обр.: готов к бою, в состоянии боевой готовности; напряжённое (состояние, обстановка).

[8] Обр.: выловить всех сразу, арестовать всех сразу, жарг. устроить облаву.

[9] Фэн Мин поступил так же, как и английский врач Эдвард Дженнер в 1796 году, когда

понял, что вирус коровьей оспы можно использовать в качестве прививания взамен более опасного метода вариоляции, когда здоровому человеку прививали гной из пустул больного натуральной оспой. Однако считается, что первыми этот метод применяли китайцы задолго до европейцев.

[10] Обр. в знач.: ускорить, усилить; подлить масла в огонь.

[11] Китайская мера длины, около 3,33 см.

[12] В оригинале фраза звучит как «выгравировать на костях и запечатлеть в сердце», обр.: запечатлеть глубоко в душе; навечно запомнить.

[13] Обр.: впустую, пошло прахом, пошло насмарку, пропало.

<http://bllate.org/book/13377/1190164>